

Публикация О.М. Барковской

Неизвестное письмо Л.О. Пастернака к П.А. Нилусу

В коллекции С.З. Лущика сохранился редкий документ – письмо Леонида Осиповича Пастернака (1862-1945) из Москвы к Петру Александровичу Нилусу (1869-1943) в Одессу по поводу конфликта между учащимися Московского училища живописи, ваяния и зодчества и Советом преподавателей в январе 1910 года. Попутно в письме зафиксирован ряд биографических моментов, имеющих отношение к обоим художникам. Это упоминания о рисунке, сделанном Пастернаком, – портрете Нилуса для фронтисписа его будущей книги «Рассказы»*, о совместном посещении выставки «Золотого Руна» в декабре 1909 года и т.п.

П.А. Нилус действительно был в Москве в декабре 1909 года, с 16 или 17 числа и до конца месяца. Причинами поездки в предновогодние дни послужили подготовка к публикации упомянутого сборника рассказов в издательстве «Шиповник» и открытие XXXVIII выставки ТПХВ, в которой художник участвовал. В письме к Е.О. Буковецкому в Одессу от 18.12.1909 Нилус пишет: «Был вчера в Б[ольшом] театре. [...] Вышло глупо, хотя я не в претензии, я, оказывается, приехал на два дня раньше, чем следовало. Но ничего, уже набрано 120 стр. книги. Нужно корректировать». В последнем письме Буковецкому из Москвы, от 24.12.1909: «Вот уже неделя, как я в Москве... [...] Открылась выставка Московского Товарищества»**. И далее, по поводу сборника: «Почти вся книга за исключением мелких рассказов 3-4 [трех – четырех] уже набрана», – т.е. он не только готовился к выставке, смотрел театральные новинки, встречался с друзьями (Бунинным, Телешевым), но успел плодотворно поработать над корректурой.

Выставка ТПХВ открылась 26 декабря в Историческом музее, Нилус экспонировал здесь пять работ. В последних числах декабря в Москве, кроме «передвижной», открылось сразу несколько художественных выставок, в т.ч.: 22-23-го – XVII выставка Московского товарищества художников при участии членов Нового общества художников; 26.12 – VII выставка картин Союза русских художников и XXXI выставка внеклассных работ учеников МУЖВЗ; 27.12 – третья выставка картин «Золотого Руна» (на которой, как следует из публикуемого письма, Нилус побывал вместе с Пастернаком). Т.е. ранее 27 декабря Нилус уехать из Москвы не мог.

Напомним, что Л.О. Пастернак с 1892 года был членом Товарищества южно-русских художников, а с 1890 по 1907 – постоянным участником выставок объединения. До 1902 Пастернак почти каждое лето проводил в Одессе, но в 1900-е годы нарушил традицию. В интервью корреспонденту «Одесских новостей» от 12(25) июня 1911 года читаем: «Приехав в Одессу после 11-летнего промежутка, я прямо поражен: все, как было»***. Однако, прекратив выставяться у южнорусских и даже не бывая в Одессе, Пастернак продолжал общаться с местными художниками.

В МУЖВЗ он преподавал с 1894 по 1918, многие годы вел натурный класс. Инцидент с учащимися мастерской К.А. Коровина (чему посвящено практически все письмо Пастернака) произошел 20 января 1910 года. Первая часть письма, на двойном листе (4 страницы текста), не датирована; вторая часть, на отдельном листе (две страницы), датирована 2 февраля с пояснением: «Письмо начато мною

несколько дней тому назад», т.е. в двадцатых числах января. История достаточно известна, была подробно освещена в прессе, позже о ней неоднократно упоминали искусствоведы. Пастернак описал ее в мемуарах («Записи разных лет». М., 1975).

В приписке Пастернак просил Нилуса вернуть ему письмо: «Тут подробно все сказано, а мне надоело писать и рассказывать, и я хочу сохранить [его] для экономии времени» – как видим, просьбу Нилус не выполнил.

В собрании С.З. Луцика публикуемое письмо находится среди немногочисленных бумаг П.А. Нилуса, оказавшихся в составе архива художника Леонида Евсеевича Мучника (1896-1966). Спустя какое-то время после отъезда Нилуса в эмиграцию его мастерская была передана Павлу Гавриловичу Волокидину (1877-1936), который предложил работать там и своему ассистенту по ОХИ М.Е. Мучнику. Вероятнее всего, когда Волокидин в 1934 году переехал в Киев, Мучник забрал часть остававшихся в мастерской бумаг и эскизов. В картотеке Луцика есть выписка из беседы с В.А. Афанасьевым, состоявшейся в конце 1950-х годов. По словам Афанасьева, он видел у Мучника несколько писем к Нилусу от разных лиц, но об их происхождении ничего конкретного узнать у владельца не смог. Впоследствии С.З. Луцик приобрел у Леонида Евсеевича часть его архива – там оказались и некоторые бумаги, имевшие отношение к Нилусу, в т.ч. письмо от Л.О. Пастернака.

В 2013 году в Москве вышел фундаментальный том рукописного наследия Пастернака «Заметки об искусстве. Переписка», подготовленный и изданный Е.Б. и Ел. В. Пастернак. Фамилия Нилуса упоминается неоднократно, опубликованы два письма к нему, 1893 и 1896 годов, но письмо по поводу инцидента в МУЖВЗ 1910 года отсутствует, равно как послания на эту тему к другим адресатам. В разделе «Автобиографические заметки» есть фрагмент «В портретном классе», датированный июнем 1910-го, с приложением писем к ученикам портретно-жанрового класса В.А. Серова от конца января**** и Л.О. Пастернака от 8 февраля того же года. В начале 1940-х, в Оксфорде, художник вновь детально вспоминает события 1910 года, цитирует сохранявшиеся более тридцати лет газетные вырезки,***** – т.е. для Пастернака инцидент имел немалое значение. Письмо к Нилусу, возможно, единственное сохранившееся из написанных по свежим следам событий, представляет несомненный интерес для исследователей.

* Нилус П. Рассказы. – М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1910.

** Абрамов В.А. Письма П.А. Нилуса Е.И. Буковецкому, 1908-1917 // Дом князя Гагарина : сб. науч. ст. и публ. Вып. 4 / Одес. лит. музей. – Одесса, 2007. – С. 115, 117-118.

*** Перерыв длился с 1902 по 1911 – год последнего визита Пастернака в Одессу. См. также: Брук Я.В. Основные даты жизни и творчества Л.О. Пастернака // Леонид Пастернак в России и Германии : из музейных и частных собраний Москвы, Веймара, Марбаха и Оксфорда : [кат. выст.]. – М., 2001. – С. 84-88.

**** Письмо Серова, опубликованное в сборнике Пастернака 2013 г. (см. ниже), отличается по тексту от аналогичного письма, вошедшего в двухтомник «Валентин Серов в переписке, документах и интервью» (Т. 2. Л., 1989. С. 200). Однако по сути письма совпадают. Первое – из архива Л.О. Пастернака; вариант из Серовского сборника дан со ссылкой на ЦГАЛИ (РГАЛИ).

***** Пастернак Л.О. Заметки об искусстве. Переписка / сост. : Е.Б. Пастернак, Е.В. Пастернак ; авт. предисл. Р. Салис. – М. : Азбуковник, 2013. – С. 129-133.

[Конец января, Москва]

Многоуважаемый Петр Александрович!

Я давно собирался Вам написать по поводу репродукции с наброска-портрета с Вас¹ – но все некогда. Кстати, я получил пробные оттиски, отличные, и если так будут остальные напечатаны, как пробные (всегда пробные на лучшей бумаге и бережно сделанные), то лучшего и желать не надо. Посылаю один, лучшие же я два образца и контроль[ный] оставил. Как находите? Кажется, ничего себе.

Вы, вероятно, читали об инциденте в Училище², в который случайно, по целому ряду несчастно сложившихся обстоятельств попал, как «кур во щи», и совершенно незаслуженно – (временно) за чужие грехи должен был на себе одном вынести за свое достоинство и достоинство училища некоторую бестактность (или мальчишескую глупую выходку – неловко сделанный протест против Совета, что ли), котор[ая], если разобрать хладнокровно, то или ничего не поймешь, зачем это было затеяно (кроме желания хулигански наскандалить), и затеяно ежели бы это серьезно было, то оно не кончилось бы так глупо мальчишески – первыми поспешили с прошениями об обратном приеме в Училище те несколько глупцов-хулиганов, котор[ые] хотели настоять на чем-то своем (между прочим, это именно те, котор[ых] я особенно отличал и заботился о них больше других и т.д., еще недавно дал 2 [двум] заказ на несколько сот руб.). Вы ведь знаете мое отношение к школе в эти 16 лет, к ученикам, товарищам, к делу. Мне себя хвалить не надо. Скажу Вам лишь, что теперь только я воочию убедился во всеобщем лучшем отношении и уважении ко мне (сказал бы, любви, да теперь я осторожен буду...) со стороны всего Училища, т.е. всех моих товарищей, всего Совета, выразившихся в том, что они искреннейше выразили сочувствие и т.д., и слышать не хотят о моем желании уйти из Училища, порвали мое прошение об отставке, обнимали, упрашивали бросить всякую мысль об уходе, иначе всякий из них должен уйти из-за 2-3 хулиганов невоспитанных, глупых и трусов; я не преувеличиваю – обнимали со слезами в глазах многие; ученики моего класса, когда узнали, что я подал в отставку, явились ко мне с депутацией и подали адрес и просьбу не покидать их и буквально плакали. Это была сцена самая трогательная и мучительная; мучительная потому, что я

П.А. Нилус. Рис. Л.О. Пастернака
(в кн.: Нилус П.А. Рассказы. – М., 1910)

не мог подать им тогда «надежды хотя бы», а сами-то главные «протестанты-новаторы» (это отрывка «Золотого руна» и всего того, что, помните, мы с Вами видели на выставке, вдохновляем[ой] участниками «Золот[ого] руна»³ – некоторые из них наши же ученики из класса жанрово-портретного) тотчас же, когда увидели серьезность положения и игры, затеянной ими – первыми поспешили подать прошения с извинениями и обязательством исполнять впредь все требования школы⁴. Теперь, когда естественный ход событий показал всю вздорность и глупость этого так назыв[аемого] инцидента, которого начала я не заметил даже, и окончившего[ся] нулем, как оказывается (ибо все решительно вновь подали прошения и т.д.), инцидент исчерпан, а сколько было пережито мною – и стоила ли вся эта комедия, которую эти «новаторы» хотели перенести для скандала из тесной семьи школы «на улицу», и беда в том, что с одной стороны, болезнь Коровина, с другой – невозможно написать в газетах, не задевая личностей. Я совершенно случайный участник в этом инциденте, ни в чем не повинный. Но что же было, собственно, спрашиваете Вы?

Уже давненько в классе или в портретно-жанровой мастерской Серова (откуда, собственно, Серов и ушел-то, *entre nous soit dit* [между нами говоря – *фр.*], это знают все товарищи, да и он сам не отрицает, что ему было трудно с такими, как Машков, произведения которого Вы видели на Золот[ом] Руне (помните, натурщицы, раскрашенные, ужасные; такие бывали в классе и еще хуже)⁵, давненько, говорю, там создалась атмосфера, которая, как теперь видно, – выжила Серова, и он, предвидя, придрался к первому поводу – Голубкиной, чтобы уйти⁶. И с его уходом стала хуже и распушеннее атмосфера, а работы еще ужаснее: чему научались в натурном, там разучивались. Оставшийся преподаватель, Коровин, как Вам известно (Вы его не знаете? Это огромный художник и такой же артист, настоящий, но... трус вихлясный, невозможный человек, которому довериться и поверить ни на йоту [нельзя], и прямо по качествам строгой порядочности обратно противоположное его таланту; но ему как-то все прощают, и я также), занятый императ[орскими] театрами и другими делами, только изредка ходил в училище⁷, и ученики, раскусив его, очень возлюбили полнейшую свободу распоряжаться в этой мастерской всецело, и у них, видимо, создался твердо план и принцип – не допускать нового преподавателя (из российских никого. Мы выбрали Кустодиева: он приехал, увидел, что там делается, и счастливо ушел, отказавшись, а то ему готовилась штука⁸. Несколько раз предлагалась моя кандидатура – Вы, верно, читали, – но я наотрез отказывался, также Сомов, Головин не хотели в Школу) и делать там то, что им заблагорассудится.

Между прочим, за последний год в классах, кроме коровинского, стали появляться на экзаменах такие работы (как Машкова и друг[их] Золот[ого] рун[а]) – я, кажется, Вам рассказывал, и жаль, что Вы их не видели, – которые не снились никаким Гогенам даже на Таити, а не в классе в училище, где имеются определенные классн[ые] задачи в передаче поставленной натуры и т.д., и т.д. Сколько бы я Вам не описывал этих работ – не выдавши, их трудно себе вообразить! И вот первым чуть ли не Коровин, увидав, как далеко у него в классе пошло, поднял вопрос: мыслимо ли в Школе с известн[ой] определен[ной] задачей такое положение и т.д. и т.д., и Совет, идя навстречу, вынужден был издать правило, что работы, по единоголосному определению Совета признанные не отвечающими задачам класса, – не будут экзаменоваться и т.д.⁹ (может быть, Коровин перед учениками говорил иное и, наверное, выгораживал себя...). Несколько экзаменов прошли, это правило при-

менялось, и большинство учеников сочувствовало этому отрезвлению и ясности и т.д. и т.д. Но все товарищи думают, что Коровин в классе говорил другое. Вот Вам общий фон. Можно ли это в газетах рассказать?

Слушайте дальше. Коровин перед Рождеством, видя что сам он классом управлять не может (он – говорят – был на поводе у учеников...), ему некогда, надо в Питер отлучаться и т.д., неотступно ко мне приставал, чтобы я взял с ним разделить класс: «если ты не захочешь, то ты мой враг, хочешь вышибить меня из училища, я уйду, подам в отставку, ты меня не любишь и т.д., тебя ученики любят» и т.д. Но я под разными предлогами отказывался.

Наконец недавно, после Рождества он тяжело и опасно заболевает. Ученики сами поставили натуру (Серов всегда сам [ставил], у Коровина делали, как хотели) и т.д. Когда ему стало лучше, он пишет директору нашему, чтобы он упросил [*подчеркнуто Пастернаком*] меня навещать изредка класс, так как он тревожится, что класс без преподавателя. Как я мог отказать ему, больному, теперь? Сказал – «успокойте его, я пойду в класс и буду навещать».

[По периметру первой страницы – сверху, на боковых полях – приписки карандашом]: 2 фев[раля]. Да! верните, если можно, это письмо. Тут подробно все сказано, а мне надоело писать и рассказывать, и я хочу сохранить [его] для экономии времени. Не помню, когда начато. Привет товарищам!

[С. 5, на боковом поле, карандашом]: Портрет Ключевского – приобр[етен] в Литер[атурно]-худ[ожественный] кружок¹⁰.

2 фев[раля] 1910

Дорогой Петр Александрович!

Письмо начато мною несколько дней тому назад – сил и времени нет кончить подробно, поэтому шлю Вам вырезку сегодняш[них] «Рус. Ведом[остей]», котор[ая] передаст Вам $\frac{1}{10}$ полученного мною нравственного удовлетворения и покажет Вам многое. Скажу еще, что теперь еще менее можно разобрать, чего эти несколько глупцов хотели – одного они не ожидали, что он [конфликт] примет такой оборот и т.д. Между прочим, Серов (видимо, они ему, эти «новаторы», досадили здорово!) написал отличное, сильное, резкое открытое письмо ученикам портрет. класса, но ни «Рус. Вед[омости]», ни «Рус. Сл[ово]» не хотели его напечатать, до того резко. Он возмущается этой некультурностью «протестантов» и указывает, что почему-то с переходом из натурн[ой] в жанрово-портретную мастерск[ую] они себя считают уже независимыми живописцами, для которых нет в России авторитетов, школьного изучения, и для «выступающих на выставках французского современного письма» в особенности... Зачем же они сидят в школе и что им нужно здесь? – по большей части, разн[ые] права, льготы, отсрочки по воинск[ой] повин[ности], звания и т.д. и т.д., и оканчивают тем, что чуть что, они же первые подают прошения с обязательств[ами] исполнять все полностью. Письмо очень сильное, но не появится. Да! Вы читали, собственно, что была за бестактность: когда я пришел по просьбе Коровина в класс, направившись в одну половину, и занялся корректурой, то из другой постепенно стали уходить несколько человек; я даже не обратил на это внимания, так как это часто бывает, что ученики входят и выходят. Но когда на другой день я узнал, что это была демонстрация, то я потребовал объяснений: ученики извинялись, как мальчишки, что [это] ко мне несколько не относится, а к Совету,

его постановлениям, словом, [дальше текст мелким почерком по периметру письма, на полях] вышло с их стороны глупо, необдуманно, распущенность во всем, и в голове; хотели чего-то, – я думаю, взять класс в свои руки; не уважая Коровина, пригласить, кого они захотят, – из заграницы, какого-нибудь Матисса, что ли, а то и совсем без преподавателя. Может ли Школа подобное терпеть?

[Приписка по периметру первой страницы письма] Будьте здоровы! Я утопаю в письмах, ответах и расхлебываю эту кашу, черт знает, за что про что!!! «Не мала баба хлопотив, та купила поросю»... Перепечатайте в одес[ских] газетах официал[ьное] извещ[ение] от 28 янв. «Рус. Вед[омостей]», а также сегодняшнюю из Рус. Вед[омостей] заметку о моем возвращении. Меня измучили – вернуться обратно, и я согласился.

Ваш [подпись Пастернака]

Л.О. Пастернак. Автопортрет. 1914

¹ Речь идет о рисунке Пастернака для фронтисписа книги Нилуса «Рассказы» (М., 1910).

² 20 января 1910 в Московском училище живописи, ваяния и зодчества произошел неприятный инцидент между учениками портретно-жанрового класса К.А. Коровина и Л.О. Пастернаком, замещавшим заболевшего Коровина. Часть учащихся во время занятий демонстративно покинули мастерскую. К Коровину от учащихся была послана депутация с извинениями за скандальный эпизод и с просьбой, чтобы в класс не назначали другого преподавателя до его возвращения. Коровин болел и депутацию не принял. В тот же день, 20 января, Совет преподавателей, «обсудив вопрос, возникший в портретно-жанровом классе, постановил: прекратить занятия в портретном классе и лишить учащихся этого класса права посещать Училище впредь до объявления» (Цит. по: Коган Д. Константин Коровин. – М., 1964. – С. 231). Через несколько дней на экстренном заседании Совета было принято решение: «1) признать портретный класс закрытым и учащихся этого класса выбывшими из училища; 2) лицам, желающим быть принятыми в этот класс обратно, предложить подать Совету заявление о своем решении исполнять правила и постановления училища; 3) лиц, не подавших таких заявлений до 1 мая 1910 года, лишить права обратного поступления в училище» (Там же. С. 313, прим. 10). Пастернаком было подано заявление об отставке, но коллеги и ученики его класса уговорили его вернуться. На очередном заседании Совета постановили: «...Открыть портретный класс 7 сего февраля. Руководство классом на время болезни К.А. Коровина, согласно постановлению Совета 26 января с.г., принял на себя Л.О. Пастернак» (Там же. С. 313, прим. 9). См. также: Пастернак Л.О. Записи разных лет. – М., 1975. – С. 63-66.

- ³ Очевидно, имеется в виду XXXI выставка внеклассных работ учеников МУЖВЗ, в которой принимала участие группа учеников – экспонентов третьей выставки картин «Золотого Руна», открывшейся в Москве 27 декабря 1909. На выставке «Золотого Руна» выступили будущие участники «Бубнового валета», в то время ученики МУЖВЗ: А.И. Куприн, М.Ф. Ларионов, И.И. Машков, Р.Р. Фальк. «Золотое руно» – московский литературно-художественный журнал, выходивший с 1906 до весны 1910; редактор и издатель – Н.П. Рябушинский. Редакция журнала организовала три выставки (1908, 1909, 1909/10), на которых были представлены современные направления в живописи, от символизма до раннего авангарда.
- ⁴ В связи с происшествием в портретно-жанровом классе Совет преподавателей МУЖВЗ на экстренном заседании вынес решение: «1) признать портретный класс закрытым и учащихся этого класса выбывшими из училища; 2) лицам, желающим быть принятыми в этот класс обратно, предложить подать Совету заявления о своем решении исполнять правила и постановления училища; 3) лиц, не подавших таких заявлений до 1 мая 1910 года, лишить права обратного поступления в училище» (цит. по: Коган Д. Константин Коровин. – М., 1964. – С. 313, прим. 10).
- ⁵ Пастернак напоминает Нилусу о работах Машкова и других молодых художников, виденных ими во время совместного посещения выставки «Золотого руна», скорее всего, в день открытия, 27 декабря. Машков писал о своем участии в выставке: «Здесь я имел [...] большой скандальный успех, то есть никого так не ругали, как меня, и печатно, и устно» (цит. по: Илья Машков / авт.-сост. И.С. Болотина. – М., 1977. – С. 406).
- ⁶ В.А. Серов руководил портретно-жанровым классом с 1897 до января 1909 (в последние годы – вместе с К.А. Коровиным). Формальной причиной ухода Серова в отставку стала история со скульптором Анной Семеновной Голубкиной (1864-1927), которая подала на имя директора училища князя А.Е. Львова прошение разрешить ей заниматься в мастерских училища рисованием и скульптурой. Совет училища, согласно уставу, не имел права дать Голубкиной такое разрешение и, в свою очередь, обратился к попечителю училища московскому генерал-губернатору С.К. Гершельману. Из канцелярии генерал-губернатора 16 декабря был получен ответ: «...ходатайство бывшей вольной посетительницы названного училища Анны Голубкиной признано незаслуживающим уважения» (цит. по: Каменский А.А. Анна Голубкина. – М., 1990. – С. 217). Голубкина считалась политически неблагонадежной, что и стало основной причиной для отказа. Заявление В.А. Серова об отставке, где он объясняет причину своего ухода из училища исключительно эпизодом с Голубкиной, датировано 26 января 1909, т.е. прошло почти полтора месяца (см.: Валентин Серов в переписке, документах и интервью. Т. 2. – Л., 1989. – С. 158). Замечание Пастернака об атмосфере в училище, «которая выжила Серова», и о сложностях с учениками – «такими, как Машков», дает основание предполагать еще одну причину для отставки.
- ⁷ К.А. Коровин преподавал в МУЖВЗ с 1901 по 1918. Параллельно работал в театрах Москвы и Петербурга (с 1910 – главный декоратор и консультант императорских театров); в эти же годы – член и экспонент МОЛХ, МТХ, «Мир искусства», СРХ.
- ⁸ В конце октября 1909, в связи с отставкой В.А. Серова, Совет училища избрал на должность преподавателя портретно-жанрового класса Б.М. Кустодиева. В ноябре письмом на имя князя А.Е. Львова Кустодиев отказался от предложенной должности (см.: Борис Кустодиев / авт.-сост. М.Г. Эткинд. – М., 1982. – С. 426).
- ⁹ На заседании Совета преподавателей МУЖВЗ 6 ноября 1909, где в т.ч. присутствовали Коровин и Пастернак, было принято решение: «...Классные работы учащихся, единогласно признанные на осмотрах не отвечающими требованиям школы, не допускать на экзамены и в училище не хранить» (цит. по: Коган Д. Константин Коровин. – М., 1964. – С. 231).
- ¹⁰ Ключевский Василий Осипович (1841-1911) – историк, академик, профессор Московского ун-та, в 1898-1911 читал лекции в МУЖВЗ.
Имеется в виду работа Л.О. Пастернака «Профессор В.О. Ключевский. Лекция в Училище живописи, ваяния и зодчества» (1909). В Москве работа экспонировалась на VII выставке СРХ в помещении литературно-художественного кружка с 26.12.1909 по 7.02.1910, т.е. была приобретена кружком еще до закрытия выставки. До 1917 она находилась в собрании лит.-худож. кружка, затем – в ГТГ; с 1924 портрет хранится в Гос. историческом музее в Москве (см.: Леонид Пастернак в России и Германии : каталог / Гос. Третьяков. галерея ; отв. ред. Я.В. Брук ; авт.-сост. Е.М. Жукова при участии : Н.И. Александровой, А.А. Савинова, А.Ю. Чудецкой. – М., 2001. – С. 154). Из лаконичной приписки к письму по поводу портрета можно заключить, что Нилус был знаком с этой работой – и, вероятно, присутствовал на открытии выставки СРХ вместе с Пастернаком.